

Научная статья

УДК: 343.241

DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.228.250

Возникновение и генезис международных договоров в сфере признания иностранных банкротств

Александр Алексеевич Костин

Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, Россия 103132, Москва, ул. Ильинка, 8/2, a.kostin@k-legal.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7150-1652>

Аннотация

В статье анализируется история возникновения, а также генезис международных договоров, регулирующих признание иностранных банкротств. Автор обосновывает, что исторически вопрос о действии иностранной процедуры банкротства разрешался через призму теории статутов, согласно которой законы государства подразделялись на вещные и личные. В статье обращается внимание на значимые противоречия в отношении законодательства о банкротстве к числу вещных или личных статутов в доктрине XIX века. Так, ряд специалистов утверждал, что законодательство о банкротстве относится к числу вещных статутов, поскольку его основная цель состоит в распределении имущества несостоятельного должника. Из этого следовало, что законодательство о банкротстве обладает сугубо территориальным действием и в каждом отдельном государстве требовалось открытие отдельной процедуры банкротства. В противовес данной точке зрения иные ученые утверждали, что законодательство о банкротстве является личным статутом, поскольку его основная цель состоит в установлении управления над должником, неспособным обеспечить надлежащий порядок ведения дел. В целях устранения противоречий между указанными подходами государства в XIX веке заключали договоры о взаимном признании иностранных банкротств. Поскольку заключение международных договоров о взаимном признании банкротств рассматривалось в качестве акта доверия по отношению к иностранному государству, как правило, подобные международные договоры заключали близлежащие государства. В силу указанных причин заключение универсального или даже регионального многостороннего договора в области взаимного признания иностранных процедур в течение продолжительного времени оставалось невозможным. На текущий момент заключение подобных международных договоров является возможным именно в рам-

ках региональных и интеграционных объединений — например, Европейского союза. Также в силу указанных причин унификация законодательства в сфере регулирования трансграничного банкротства зачастую осуществляется на основании актов «мягкого права» — типового закона ЮНСИТРАЛ (1997).

Ключевые слова

трансграничное банкротство, международный договор, признание и исполнение, иностранные судебные решения, ЮНСИТРАЛ, Европейский союз.

Для цитирования: Костин А.А. Возникновение и генезис международных договоров в сфере признания иностранных банкротств // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 5. С. 228–250. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.228.250

Law in the Modern World

Research article

Emergence and Genesis of International Treaties on Recognizing Foreign Bankruptcies

Alexander A. Kostin

Private Law Alekseev Research Centre under the President of the Russian Federation, 8 Ilyinka Str., Moscow 103132, Russia, a.kostin@k-legal.ru ORCID: 0000-0001-7150-1652

Abstract

The article analyzes the history of emergence, as well as the genesis of international treaties governing the recognition of foreign bankruptcies. The author argues that historically, the issue of legal effect of a foreign insolvency procedure was resolved through the prism of the theory of statutes, according to which the laws of the state were divided into real and personal. At the same time, the article draws attention to the existence of significant contradictions regarding the attribution of insolvency legislation to the number of real or personal statutes in doctrine XIX. Thus, several authors argued that insolvency legislation fell into the category of the real statutes, since its main purpose was to distribute the property of an insolvent debtor. It followed from the above that the insolvency legislation had a purely territorial effect and in each individual state it was required to open a separate bankruptcy procedure. In contrast to this view, other scholars have argued that bankruptcy law is a personal statute, since its main purpose is to establish control over a debtor who has been unable to ensure the proper conduct of affairs. In order to eliminate contradictions between these approaches, between the states in the 19th century agreements on mutual recognition of foreign bankruptcies were concluded. In light of the fact that the conclusion of international agreements on the mutual recognition of bankruptcies was considered as an act of confidence in relation to a foreign state, as a rule, such international agreements were concluded between neighboring states. For these reasons, the conclusion of a multilateral treaty (international document) in the

field of mutual recognition of foreign procedures remained impossible for a long time. In this regard, at the moment, the conclusion of such international treaties (international documents) is possible precisely within the framework of regional and integration associations like the European Union. Also, for these reasons, the unification of legislation in the field of regulation of cross-border bankruptcy is often carried out on the basis of “soft law” acts — the 1997 UNCITRAL Model Law.

Keywords

cross-border bankruptcy; international treaty; recognition and enforcement, foreign judgments, UNCITRAL, European Union.

For citation: Kostin A.A. (2022) Emergence and Genesis of International Treaties on Recognizing Foreign Bankruptcies. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 15, no. 5, pp. 228–250 (in Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.228.250

Введение

Один из основных постулатов международного частного права (далее — МЧП) состоит в том, что процедура банкротства сама по себе (*de plano*) не обладает действием за пределами государства своего открытия [Мартенс Ф.Ф., 1883: 346]; [Fletcher I., 1993: 431]. В основе данного подхода лежит принцип территориального верховенства (суверенитета), согласно которому действие законодательных и судебных актов ограничено территорией их принятия (вынесения) [Gillieron P.-R., 1992: 138–139].

В силу данного принципа распространение всей совокупности правовых последствий иностранного банкротства обеспечивается путем признания судебного акта об открытии соответствующей процедуры. В целях обеспечения взаимного признания процедур банкротства (отдельных правовых последствий банкротства) государствами начиная с XIX в. заключаются соответствующие международные соглашения. Они, среди прочего, регулировали: компетенцию судов договаривающихся государств в отношении инициирования процедуры банкротства; порядок признания иностранных судебных актов об открытии процедуры банкротства; объем полномочий конкурсного управляющего; иные аспекты.

Отечественному законодателю и правоприменителю анализ предпосылок заключения, а также содержания международных соглашений в области трансграничного банкротства особенно интересен в связи со следующим. Так, ст. 1 Договора об учреждении ЕАЭС предусматривает обеспечение свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы¹, что может под-

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019) // СПС КонсультантПлюс.

разумевать необходимость отдельного международного соглашения, которое регулировало бы вопросы трансграничной несостоятельности в рамках указанного интеграционного объединения (по аналогии с Договором об учреждении Европейского сообщества)². В связи с тем, что Россия не участвует в международных соглашениях, непосредственно регулирующих вопросы банкротства, изучение опыта иностранных государств (включая проекты, разработанные Гаагской конференцией по МЧП) в данной сфере могло бы оказаться полезным в рамках унификации вопросов банкротства на уровне ЕАЭС.

Принимая во внимание значение темы статьи для отечественного правопорядка, обратимся к истории возникновения первых договоров о взаимном признании банкротств.

1. Теория статутов как исторически первое обоснование признания правовых последствий иностранного банкротства

Исторически признание правовых последствий банкротства как в аспекте распределения имущества должника, так и в аспекте полномочий арбитражного управляющего основывалось на так называемой «теории статутов». В основе данной теории, разработанной итальянскими учеными-постглюкаторами в XIV в., лежал тезис, что все законы неразрывно (т.е. физически) связаны с объектом своего правового регулирования [Ancel B., 2017., 130–138]. В связи с этим законы подразделялись на: личные статуты (т.е. законы, регулирующие правовой статус лица, включая дееспособность, вступление в брак и пр.); вещные статуты (законы, регулирующие положение недвижимого имущества),

Согласно теории статутов действие законов в пространстве было обусловлено способностью объектов их регулирования к перемещению. В рамках рассматриваемой теории утверждалось, что личные статуты неразрывно связаны с индивидом, в силу чего они следуют за данным лицом во все страны, где бы оно ни находилось (т.е. в данном случае подлежало применению законодательства домициля соответствующего лица, а не государства его временного местонахождения) [Fiore P., Antoine Ch., 1890: 44]. Из данного тезиса также следовало, что правовой режим движимого имущества относится к личным статутам, поскольку предполагалось, что движимые вещи также следуют за лицом во все государства (лат. *mobilia sequuntur personam*) [Rolin A., 1904: 171]. Применительно к вещным статутам обращалось внима-

² Treaty establishing the European Community (Consolidated version 2002) OJ C 325, 24.12.2002, pp. 33–184.

ние на то, что они не обладают экстерриториальным действием, поскольку неразрывно связаны с объектом своего правового регулирования (т.е. недвижимым имуществом).

Теория статутов в классическом изложении (XIII–XIV в.) непосредственно практически не затрагивала вопросов банкротства [Massé G., 1861: 343]. Вместе с тем, классификация (статутов) на вещные и личные продолжала применяться в доктрине и правоприменительной практике для объяснения различных правовых последствий банкротства, открытого в иностранном государстве [Jitta J., 1895: 9–10]. Сложность применения указанной классификации, однако, состояла в том, что в силу своего комплексного характера законодательство о банкротстве не могло быть отнесено к категории вещных или личных статутов. В связи с этим в доктрине XIX вв. развернулась дискуссия о правовой природе иностранного банкротства и правовых последствиях, которые оно порождает за пределами государства своего открытия.

Так, согласно одному из подходов, утверждалось, что законодательство о банкротстве относится к числу вещных статутов, из чего следовало, что процедура банкротства сама по себе не обладает действием за пределами государства своего открытия (территориальность банкротства) [Norsa C., 1876: 627–628]. В обоснование данного подхода французский ученый Рипер утверждал, что законодательство о банкротстве относится к числу вещных статутов, поскольку его основная цель состоит в распределении недвижимого имущества между кредиторами применительно к каждому конкретному государству. Подобный подход дал основание относить законодательство о банкротстве к законам, обладающим публично-правовой природой («законы, обеспечивающие благополучие и безопасность»), из чего следовало, что полномочия управляющего, касающиеся права совершать действия от имени должника, носят подчиненный характер по отношению к данной функции [Lyon-Caen Ch., Renault L., Brillat-Savarin J., 1889: 444]. Тем самым из данного подхода следовало, что распределение активов должника, находящихся в пределах государства по общему правилу могло иметь место при условии признания иностранного судебного решения об открытии процедуры банкротства или путем открытия самостоятельной процедуры банкротства должника в данном государстве [Travers M., 1894: 39].

В противовес рассматриваемому подходу иные ученые утверждали, что законодательство о банкротстве относится к числу личных статутов [Humblet H., 1880: 87–94]. Утверждалось, что основное назначение процедуры банкротства заключается в ограничении дееспособности должника, который оказался не в состоянии обеспечить своевременное погашение обязательств перед кредиторами [Weiss A., 1894: 5–16]. Основываясь на предположении, согласно которой должник не может быть ограничен в дееспособ-

ности в одном государстве (в данном случае в государстве открытия процедуры банкротства) и при этом сохранять дееспособность в остальных государствах, ученые XIX в. пришли к выводу о неделимости личного статуса (фр. *indivisibilité de l'état personnel*) [Renault R., 1903: 37]. Применительно к трансграничному банкротству тезис о неделимости личного статуса проявлялся в том, что только суды государства местонахождения должника приобретали компетенцию по открытию процедуры банкротства. Из данной предпосылки, в свою очередь, проистекала невозможность открытия территориальной процедуры банкротства в иных государствах [Surville F., Arthuys F., 1912: 623].

2. Предпосылки заключения первых двусторонних международных соглашений о взаимном признании банкротства

С середины XIX в. отдельные государства Европы разрабатывали законодательство, регулирующее различные аспекты трансграничного банкротства. Так, ст. 207 Германского уложения о банкротстве (1877) устанавливала, что «если должник, в рамках иностранной процедуры обладает имуществом на территории Германии, то допускается обращение взыскания на данное имущество. Исключения из данного правила могут быть установлены канцлером Империи с согласия федерального совета» [Kauffman Ch., 1885: 33–45]. Равным образом закон Швейцарии «О преследовании за долги и банкротство» 1889 г. определял компетенцию судов в отношении иностранного должника, а также иные вопросы трансграничного банкротства.

Национальное законодательство могло урегулировать исключительно последствия иностранного банкротства в пределах соответствующей юрисдикции, но не действие национальной процедуры банкротства в иностранных правовых системах. В связи с этим неизбежно вставал вопрос об обеспечении взаимности [Rolin A., 1904: 184], так как в иностранном законодательстве могли содержаться положения, дискриминирующие национальных кредиторов (в том числе ст. 1539 Коммерческого кодекса Уругвая в редакции XIX в.) [de Voeck Ch., 1913: 289–320]. Поэтому согласно доктрине XIX в. оптимальным способом урегулирования правовых последствий банкротства между государствами выступало заключение международного соглашения. Показательна точка зрения французских ученых Ш. Лион-Кана и Л. Рено, по мнению которых регулирование правовых последствий иностранного банкротства могло быть достигнуто исключительно путем заключения международного соглашения [Lyon-Caen Ch., Renault L., 1887: 895].

Первые договоры, касающиеся признания иностранного банкротства, начали заключать в XVII в. В качестве одного из первых примеров подоб-

ного международного договора принято выделять Утрехтское соглашение между провинциями Нидерландов (1679), которым предусматривалось, что управляющий, назначенный судом государства местонахождения должника (домициля), приобретает право распоряжения имуществом должника, находящимся в иных провинциях [Nadelmann K., 1944: 62]. Вместе с тем широкое распространение международные договоры, содержащие положения о взаимном признании банкротств, получили именно в XIX в. В частности, в доктрине обращается внимание на заключение следующих международных договоров, содержащих положения, касающиеся признания иностранных банкротств: это Договор между Великим герцогством Баден и Швейцарской конфедерацией о взаимности в области банкротства от 07.07.1808³; Конвенция между Швейцарской конфедерацией и Королевством Вюртемберг по вопросам банкротства, а также равенства, которое должно быть обеспечено между кредиторами при установлении очередности кредиторов, являющихся подданными одной или другой договаривающейся стороны от 13.05.1826⁴; Конвенция между Швейцарской Конфедерацией и Королевством Бавария о предоставлении равных прав кредиторам, подданным договаривающихся государств при ведении конкурса от 27.06.1834⁵; Конвенция между Швейцарской конфедерацией и Францией о компетенции и взаимном исполнении судебных решений от 15.06.1869⁶ (далее — Конвенция между Швейцарией и Францией); Конвенция между Французской Республикой и Королевством Бельгия о компетенции судебных органов, законной силе и исполнении судебных и арбитражных решений и нотариальных актов от 08.07.1898 (далее — Конвенция между Бельгией и Францией)⁷.

В свете того, что в литературе наиболее подробно рассматриваются Конвенция между Швейцарией и Францией и Конвенция между Бельгией и Францией, остановимся на анализе данных международных договоров.

Ст. 6 Конвенции между Швейцарией и Францией устанавливала, что в отношении французского гражданина, обладающего коммерческим предприятием (фр. *établissement de commerce*) в Швейцарии, процедура банкротства

³ Available at: https://bdlf.fr.ch/frontend/versions/6131/download_pdf_file?locale=fr (дата обращения: 09.12.2022)

⁴ Available at: https://bdlf.fr.ch/frontend/versions/6132/download_pdf_file?locale=fr (дата обращения: 09.12.2022)

⁵ Available at: https://bdlf.fr.ch/frontend/versions/6133/download_pdf_file?locale=fr (дата обращения: 09.12.2022)

⁶ Цит. по: Des Effets du Traite Franco-Suisse du 15 Juin 1869 en Matiere de Faillite, 9 J. DR. INT'L PRIVE & Juris. COMPAREE 369 (1882).

⁷ Цит. по: Droit International. La Convention Franco-Belge. Annales de Droit Commercial et Industriel Francais. Etranger et International 15. 1901. P. 52–53.

могла быть инициирована в суде государства его места жительства на территории Швейцарии [Bernard M., 1882: 369]. Равным образом в отношении швейцарского гражданина, обладающего коммерческим предприятием во Франции, процедура могла быть инициирована по месту его жительства во Франции.

В отношении полномочий конкурсного управляющего (фр. *syndic*) данная Конвенция устанавливала, что после признания исполнимости иностранного решения [об открытии процедуры банкротства] в порядке ст. 16 Конвенции возникает право требовать включения в конкурсную массу всего имущества, находящегося на территории договаривающего государства (т.е. при условии получения экзекватуры). В отношении условий признания ст. 17 Конвенции устанавливала, что в исполнении иностранного судебного решения об объявлении должника банкротом могло быть отказано в следующих случаях: если оно вынесено судом, не обладающим компетенцией; если оно вынесено без извещения сторон, интересы которых не были представлены в рамках иностранного разбирательства; если исполнение иностранного судебного решения по делу о банкротстве противоречило бы публично-правовым нормам или интересам публичного порядка.

Конвенция между Бельгией и Францией 1898 г. [Paere de P., 1906: 318–332]; в целом содержала сходные положения применительно к порядку признания и правовым последствиям иностранного банкротства. Так, по п. 1 ст. 8 Конвенции исключительной компетенцией по инициированию процедуры банкротства коммерсанта обладали суды государства его domicilio. Если у коммерсанта отсутствовало местонахождение в соответствующем договаривающемся государстве, он тем не менее мог быть объявлен банкротом при наличии у него коммерческого предприятия в одном из договаривающихся государств. В отношении юридических лиц действовало правило: исключительной компетенцией по инициированию процедуры банкротства обладают суды государства местонахождения соответствующего лица.

Отличительная особенность Конвенции между Бельгией и Францией состояла в том, что данный документ определял правовые последствия иностранного банкротства. Так, по ст. 2 Конвенции в случае инициирования процедуры банкротства компетентным судом ее правовые последствия распространяются на территорию договаривающегося государства. Распространение правовых последствий иностранного банкротства заключалось в том, что иностранный управляющий приобретал право совершать действия по защите и управлению имуществом, входящим в конкурсную массу, находящимся в пределах соответствующего государства. Вместе с тем осуществление мер по обращению взыскания на имущество должника требовало экзекватуры со стороны национального суда [Travers M., 1909: 386–401].

3. Предпосылки заключения первых многосторонних международных соглашений о взаимном признании банкротства

На рубеже XIX–XX вв. государства в первую очередь заключали двусторонние договоры о взаимном признании банкротств [Fletcher I., 1993: 7–28]. Подобный подход к регламентации трансграничного банкротства был обусловлен следующими причинами. Во-первых, в XIX–XX вв. заключение международного договора о взаимном признании банкротств рассматривалось как жест доверия к соответствующему государству [Fletcher I., 1991–1992: 175]. Как отмечал немецкий ученый Л. фон Баром, международные договоры по вопросам банкротства надлежит заключать только с теми странами, судебная система которых вызывает доверие [Bar von L., 1892: 1052]. Подобное же доверие могло быть проявлено в первую очередь по отношению к сопредельным государствам в связи с тем, что суды данных государств чаще взаимодействовали друг с другом.

Во-вторых, в заключении двусторонних договоров о взаимном признании банкротств играли роль соображения практического характера. Так, в реалиях XIX в. внешнеэкономическая деятельность в ряде случаев осуществлялась коммерсантами и хозяйственными обществами, находящимися в сопредельных государствах. По этой причине именно в отношениях между сопредельными государствами зачастую вставал вопрос о порядке распределения имущества несостоятельного должника.

Несмотря на изложенное выше, государства с 1880-х гг. предпринимают попытки разработать многосторонний международный договор, регулирующий различные аспекты трансграничного банкротства. В частности, на II Международном конгрессе юристов в 1880 г. в Турине [Weiss A., 1888: 182–183], были приняты следующие резолюции по вопросам трансграничного банкротства:

Компетенцией по инициированию процедуры банкротства обладает суд государства местонахождения основного коммерческого предприятия лица (фр. *établissement principal*).

Решение о введении процедуры банкротства, а также иные акты, принятые в рамках данной процедуры, обладают той же законной силой, что и в государстве своего вынесения (фр. *autorité de la chose jugée*). Если на основании иностранного решения о банкротстве требуется совершение исполнительных действий, решение должно пройти процедуру экзекватуры (фр. *pareatis*). В выдаче экзекватуры в отношении иностранного решения об открытии процедуры банкротства могло быть отказано исключительно в следующих случаях, если: данное решение было принято судом, у которого

отсутствовала компетенция; данное решение не подлежит исполнению государстве своего вынесения⁸.

Ограничение дееспособности несостоятельного должника; назначение и полномочия конкурсных управляющих; допустимость заключения, порядок заключения и правовые последствия мирового соглашения (фр. *concordat*); порядок реализации и распределения конкурсной массы определяется законодательством открытия процедуры банкротства.

Вещные права, преимущественные права в связи с залогом и ипотекой, право виндикации, изъятия и удержания определяются законодательством государства местонахождения соответствующей вещи. При этом в указывалось, что в рамках международного договора надлежит определить компетентный суд по разрешению споров, вытекающих из данных прав.

В дальнейшем попытки разработки многосторонних международных соглашений в области трансграничного банкротства были предприняты на Конгрессе южноамериканских государств в Монтевидео (1889) и на Гаагских конференциях по МЧП (1894, 1900, 1904, 1925). Но если работа указанного Конгресса завершилась подписанием Договора о МЧП (1889)⁹, то I Гаагская конференция по МЧП к подобному результату не пришла. На причинах этого надлежит остановиться.

4. Деятельность Гаагской конференции по МЧП по разработке международного договора в области взаимного признания банкротства

Первая попытка разработать документ, регулирующий аспекты трансграничного банкротства, последовала на I Гаагской конференции (1894). Одним из итогов указанной Конференции стала разработка Правил (фр. *règlement*) трансграничного банкротства, которые по замыслу разработчиков могли служить основой дальнейшего обсуждения данного вопроса (далее — Правила). Указанные Правила основывались на документе, подготовленном голландским ученым Т. Ассером к сессии Института международного права 30.03.1894.¹⁰

Применительно к действию процедуры банкротства ст. 1 Правил гласила, что процедура банкротства, инициированная в одном из договаривающих-

⁸ Полный текст резолюции см.: *Actes de la Conference de la Haye chargee de reglementer diverses matieres de droit international privee*. Paris, 1894. P. 63–64.

⁹ *Droit International — Congres de Montevideo. Annales de Droit Commercial Francais, Etranger et International* 4.1890. P. 219–222.

¹⁰ *Annuaire de l'Institut de droit international. Bureau de la Revue de droit international*, 1894. P. 267–281.

ся государств, порождает правовые последствия в остальных договаривающихся государствах при условии соблюдения положений, содержащихся в иных статьях. В свою очередь, распространение правовых последствий иностранного банкротства было связано с получением экзекутуры в отношении иностранного судебного решения об открытии данной процедуры (ст. 2 Правил). Правом подачи ходатайства об экзекутуре иностранного судебного решения наделялся управляющий в рамках соответствующей процедуры банкротства (ст. 4). В рамках рассмотрения ходатайства об экзекутуре соответствующего судебного решения проверялось соблюдение следующих условий: а) наличие компетенции у суда государства вынесения решения; б) исполнимость иностранного решения в государства вынесения; с) действие иностранного судебного решения в отношении всего имущества должника.

Поскольку данные Правила предусматривали, что они могут выступать в качестве основы дальнейшего обсуждения вопроса, разработку многостороннего международного соглашения продолжили на III Гаагской конференции (1900). Ею был разработан проект международного договора, содержащий следующие положения (далее — Проект)¹¹.

Применительно к вопросам компетенции Проект устанавливал, что исключительной компетенцией объявления коммерсанта банкротом обладал суд государства местонахождения его основного предприятия. В отношении инициирования банкротства юридических лиц исключительной компетенцией обладал суд государства местонахождения юридического лица (фр. *siège social*).

В отношении порядка признания ст. 1 Проекта гласила, что процедура банкротства, инициированная учреждением, обладающим компетенцией согласно данному документу, подлежит признанию в договаривающихся государствах при условии соблюдения иных его положений. Ст. 6 устанавливала, что иностранный арбитражный управляющий вправе в отсутствие экзекутуры иностранного судебного решения об открытии процедуры банкротства принимать меры сохранения имущества, а также обращения в суд. Вместе с тем осуществление исполнительных действий в отношении имущества должника требовало экзекутуры государства местонахождения имущества должника. Экзекутура в отношении иностранного судебного решения могла быть получена при соблюдении следующих условий: а) учреждение, инициировавшее процедуру банкротства, обладало компетенцией в соответствии с национальным законодательством; б) решение о введении процедуры банкротства является исполнимым в государстве вынесения.

¹¹ Archives diplomatiques: recueil mensuel de diplomatie, d'histoire et de droit international. Paris, 1900. P. 213.

Разработку многостороннего договора в области трансграничного банкротства продолжили на IV Гаагской конференции (16.05.–07.06.1904) [Asser T., 1904: 516–579]. Т. Ассер не без иронии отмечал, что, несмотря на ряд неудач, участники конференции не оставляли попыток урегулировать вопросы трансграничного банкротства в рамках международного соглашения. Конференция завершилась разработкой проекта международного соглашения в области трансграничного банкротства (далее Проект IV). Документ в целом воспроизводил положения Проекта III, за исключением формулировки следующих статей.

Применительно к вопросам компетенции Проект IV Гаагской конференции предусматривал, что процедура банкротства юридического лица должна быть инициирована в государстве его местонахождения при условии, что данное место не является фиктивным или полученным мошенническим путем. Равным образом по п. 7 Проекта IV расширялся перечень оснований отказа в признании иностранной процедуры банкротства, к которым относились: а) наличие компетенции иностранного суда; б) исполнимость решения в государстве; в) подтверждение подлинности иностранного решения о введении процедуры; г) надлежащее уведомление иностранного должника. Наконец, Проект IV закреплял принцип равенства национальных и иностранных кредиторов (п. 5 Проекта).

Проект постигла та же судьба, что и иные проекты международных соглашений, разработанных данной организацией, поскольку государства XX в. не были готовы к его имплементации в рамках международных соглашений [Nolde B., 1930: 379]. Показателен комментарий французского ученого А. Ленэ, который в статье об итогах IV Гаагской конференции отмечал, что он не будет освещать вопросы, связанные с разработкой конвенции в области регулирования трансграничного банкротства, поскольку заключение международного соглашения общего характера по вопросам трансграничного банкротства не входило в планы правительства Франции [Lainé A., 1905: 803].

Очередная попытка разработать международное соглашение в области регулирования трансграничного банкротства была предпринята на V Гаагской конференции (1925). Государства-участники конференции рассчитывали, что после окончания «варварства Первой мировой войны (1914–1918)» удастся достичь заключения международных соглашений по различным аспектам международной торговли [Loder B., 1927: 1–17]. Конференция подготовила очередной проект модельного международного договора (далее — Проект V)¹².

¹² Bulletin Relatif aux Conventions de la Haye de 1902 et 1905 sur le Droit International Prive, Bulletin de l'Institut Intermediaire International 14 (1926). P. 225–228.

Применительно к Проекту V отметим, что одна из основных задач, стоявших перед договаривающимися государствами, состояла в определении суда, компетентного инициировать производство по делу о банкротстве. Так, в отношении физических лиц ст. 2 Проекта V устанавливала, что компетенцией по инициированию процедуры банкротства обладал суд государства нахождения коммерческого предприятия лица. Если законодательство данного государства не принимало во внимание местонахождения коммерческого предприятия физического лица, то компетенцией обладало государство domicilio физического лица. В отношении юридических лиц устанавливалось правило, что компетенцией обладает государство местонахождения юридического лица, за исключением случаев, когда данное местонахождение фиктивно или получено в результате мошенничества.

Подобно предшествующим проектам Проект V предусматривал, что решение об открытии процедуры банкротства, вынесенное органом, обладающим компетенцией в соответствии с Конвенцией, подлежит признанию во всех остальных государствах. Равным образом Проект разграничивал правовые последствия, требующие экзекватуры и возникающие без экзекватуры. Так, для совершения иностранным управляющим действий по реализации недвижимого имущества и действий по принудительному исполнению требовалась экзекватура со стороны суда нахождения имущества должника (ст. 5). Для реализации иностранным управляющим полномочий по управлению имуществом и принятию мер по его сохранению не требуется получения экзекватуры. Наконец, применительно к условиям выдачи экзекватуры ст. 5 Проекта устанавливала, что иностранное решение об открытии процедуры банкротства должно соответствовать следующим условиям: компетентность иностранного суда в силу ст. 2 Проекта; свойство исполнимости решения согласно законодательству его вынесения; подтверждение подлинности иностранного судебного решения; надлежащее уведомление должника; отсутствие нарушения публичного порядка; наличие у лица статуса коммерсанта (если государство сделало оговорку, что данное соглашение применяется только к банкротству коммерсантов).

На VI Гагской конференции (1928) положения Проекта V по существу не пересматривались. Только в его текст добавили переходные положения о порядке вступления данного соглашения в силу¹³.

Ни один из проектов международных соглашений, подготовленных в рамках Гагских конференций по МЧП, не был реализован в виде конвенции. Б.Э. Нольде обращал внимание на то, что причина подобного подхода состояла не в недостаточной проработке документа. По мнению ученого, Га-

¹³ Bulletin Relatif aux Conventions de la Haye sur le Droit International Prive, Bulletin de l'Institut Intermediaire International 18 (1928). P. 408–432.

агская конвенция изначально избрала не оправдавший себя путь подготовки модельного международного договора, а не международного соглашения, открытого к подписанию [Nolde B., 1936: 379].

5. Многосторонние договоры о взаимном признании процедур банкротства, заключенные государствами Европы

Заключение первого многостороннего международного соглашения в области взаимного признания процедур банкротства было достигнуто странами, обладающими сходной правовой культурой (страны Скандинавии). Между Данией, Финляндией, Исландией, Норвегией и Швецией была заключена Конвенция по вопросам банкротства 07.03.1933 (далее — Северная Конвенция)¹⁴.

Ст. 1 Северной Конвенции предусматривала, что процедура банкротства, введенная в одном из договаривающихся государств, распространяет действие на территорию иных договаривающихся государств. Равным образом ст. 1 установила, что законодательство государства открытия процедуры банкротства определяет пределы ограничения дееспособности лица, объявленного банкротом; порядок распоряжения имуществом данного лица; порядок распределения средств, вырученных в результате продажи имущества данного лица и иные вопросы. В отношении порядка признания ст. 2 Конвенции 1933 г. установила, что для введения в действие процедуры банкротства на территории договаривающегося государства требовалось опубликование сведений о данной процедуре в официальном вестнике (т.е. для признания иностранной процедуры банкротства не требовалась экзекатура) [Bogdan M., 1985: 49–86].

Новым стимулом разработки многостороннего соглашения в области взаимного признания процедур банкротства послужило принятие Римского договора от 25.03.1957 об учреждении Европейских сообществ, который, среди прочего, предусматривал устранение препятствий на пути движения труда, услуг и капитала (пп. “f” ст. 3 Римского договора)¹⁵. С учетом указанных положений Римского договора в рамках Европейских сообществ проводились подготовка и принятие международных соглашений как в области взаимного признания иностранных решений, так и процедур по делу банкротстве. Однако если в отношении признания и исполнения иностранных

¹⁴ Available at: https://www.iiiglobal.org/sites/default/files/3-_nordic_treaties.pdf (дата обращения: 09.12.2022)

¹⁵ Available at: https://ec.europa.eu/romania/sites/default/files/tratatul_de_la_roma.pdf (дата обращения: 09.12.2022)

судебных решений в рамках Европейских сообществ была принята Брюссельская конвенция 1968 г.¹⁶, то в отношении признания процедур банкротства подготовленные документы оставались проектами. Остановимся подробнее на причинах.

Первые попытки разработать международное соглашение в области признания иностранных процедур банкротства в рамках ЕС предпринимаются в 1970-х гг. Работа над данным документом останавливалась и возобновлялась в связи с присоединением к ЕС новых государств [Hunter M., 1972: 682–698]. По итогам продолжительной работы комиссии под эгидой Европейских сообществ был разработан проект международного соглашения в области трансграничного банкротства, содержащий следующие положения (далее — Проект Конвенции Европейских сообществ)¹⁷.

Ст. 1 данного Проекта предусматривала, что данное международное соглашение касалось признания процедур банкротства, мировых соглашений, а также аналогичных процедур независимо от государственной принадлежности лица, в отношении которого вводится процедура банкротства. Применительно к порядку признания иностранных судебных решений ст. 2 Проекта Конвенции предусматривала, что процедура банкротства, инициированная в одном из договаривающихся государств, обладает действием во всех остальных государствах. Инициирование процедуры банкротства в одном из договаривающихся государств исключает возможность введения данной процедуры в иных государствах.

В отношении компетенции по инициированию процедуры банкротства ст. 3 Проекта устанавливала, что исключительной компетенцией обладает суд государства центра управления должника (англ. centre of administration of the debtor). Как следовало из п. 2 ст. 3 Проекта, под термином «центр управления должника» надлежит понимать государство, из которого должник по общему правилу управляет своими интересами (англ. administers his main interests). В отношении юридических лиц центром управления должника признавалось государство его регистрации (англ. registered office), если не будет установлено иное.

¹⁶ Brussels Convention on jurisdiction and the enforcement of judgments in civil and commercial matters. Available at: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:41968A0927\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:41968A0927(01)) (дата обращения: 09.12.2022). Решения о банкротстве исключены из сферы действия Брюссельской конвенции 1968 г., поскольку признание данной категории решений должно быть урегулировано отдельным соглашением. Подробнее см.: Rapport sur la Convention concernant la compétence judiciaire et l'exécution des décisions en matière civile et commerciale (signée à Bruxelles le 27 septembre 1968). Available at: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:1979:059:FULL:FR:PDF> (дата обращения: 09.12.2022)

¹⁷ Draft Convention on bankruptcy, winding-up, arrangements, compositions and similar proceedings. Available at: <http://aei.pitt.edu/5480/1/5480.pdf> (дата обращения: 09.12.2022)

Также в силу ст. 56 Проекта решение о признании должника банкротом, как равным образом решения об утверждении мирового соглашения, подлежали признанию без какой-либо процедуры. В признании иностранного решения об открытии процедуры банкротства или об утверждении мирового соглашения могло быть отказано если: по независящим обстоятельствам должник не обладал сведениями об инициировании в отношении него процедуры банкротства; если решение об открытии процедуры банкротства противоречит публичному порядку государства, в котором оспаривается признание соответствующей процедуры (пп. «а» п. 1 ст. 62 Проекта). В п. 2 ст. 62 Проекта перечислялись случаи, когда нарушение публичного порядка не могло иметь места, включая отсутствие компетенции у суда государства открытия процедуры, судом по собственной инициативе вынесено заочное решение и пр.

Хотя рассматриваемый Проект разрабатывался в рамках Европейских сообществ как интеграционного объединения, он не был ратифицирован договаривающимися государствами. В литературе рассматриваемый Проект характеризуется как излишне амбициозный, поскольку в нем закреплена радикальная модель единого производства, исключавшая возможность инициирования территориальных производств [Fletcher I., 1993: 17]; [Stepanov V., 1999: 287–310]. В частности, британский эксперт Л. Хоффман отмечал, что государства-члены ЕС помимо всего прочего не могли согласиться с тем, что законодательство государства открытия процедуры банкротства будет определять очередность требований залоговых кредиторов соответствующих государств [Hoffmann L., 1996: 2507–2520].

В связи с тем, что Проект Конвенции Европейских сообществ не был ратифицирован, дальнейшая разработка многостороннего соглашения в области признания иностранных банкротств происходила как в рамках Совета Европы, так и Комиссии Европейских сообществ.

Итогом работы Совета Европы стала разработка Европейской конвенции 1990 г. о некоторых международных аспектах банкротства (Стамбульская конвенция)¹⁸. Основная цель разработки документа заключалась в корректировании подхода, ранее сформулированного в Проекте Конвенции Европейских сообществ, согласно которому процедура банкротства, открытая в иностранном государстве, подлежит признанию, если она инициирована судом государства центра управления должника. В связи с этим п. 1 ст. 4 Стамбульской конвенции предусматривал, что компетенцией по инициированию процедуры банкротства обладает государство центра основных

¹⁸ Available at: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168007b3d0> (дата обращения: 09.12.2022). Перевод размещен в СПС Консультант Плюс.

интересов должника. В то же время согласно п. 2 ст. 4 Стамбульской конвенции процедура банкротства также могла быть инициирована в государстве местонахождения коммерческого предприятия должника даже в том случае, если у должника отсутствует центр основных интересов в данном государстве или в том случае если процедура банкротства не могла быть инициирована в государстве местонахождения основных интересов («вторичное банкротство»).

В отношении порядка признания иностранного банкротства ст. 16 Стамбульской конвенции устанавливала, что любой должник, объявленный судом или любым другим компетентным органом банкротом в соответствии с п. 1 ст. 4 (основное банкротство), может только на основании этого факта быть объявлен банкротом любой другой Стороной (вторичное банкротство), независимо от того, является ли он неплатежеспособным. в этой Стороне при условии, что решение о признании его банкротом было принято в соответствии со ст. 3, п. b и c, и что в этой Стороне еще не было возбуждено ни банкротство, ни производство по предотвращению банкротства.

Стамбульская конвенция не набрала необходимого количества ратификаций, в результате чего в силу она не вступила. В Евросоюзе была продолжена работа над проектом конвенции о признании иностранных банкротств. По результатам работы экспертов была принята Конвенция ЕС о процедурах банкротства от 23.11.1995 (далее — Конвенция ЕС)¹⁹.

Применительно к определению суда, обладающего компетенцией по инициированию дела о банкротстве, составители Конвенции ЕС придерживались подхода Стамбульской конвенции. Так, по п. 1 ст. Конвенции ЕС компетенцией по открытию процедуры банкротства обладает суд государства центра основных интересов кредитора. Вместе с тем кредиторы вправе также инициировать банкротство по месту нахождения коммерческого предприятия должника, однако в таком случае процедура банкротства охватывает только имущество, находящееся в государстве местонахождения коммерческого предприятия должника.

В отличие от Стамбульской конвенции Конвенция ЕС определила также и порядок признания иностранных банкротств. Так, согласно п. 1 ст. 16 Конвенции ЕС решение об открытии процедуры банкротства подлежит признанию во всех договаривающихся государствах с момента, когда оно вступает в законную силу в государстве вынесения. При этом признание иностранного решения об открытии процедуры банкротства не препятствует открытию вторичной процедуры в государстве местонахождения имущества должника, если данный суд обладает компетенцией в соответствии с п. 2 ст. 3 Конвенции.

¹⁹ European union. Convention on insolvency proceedings, International Insolvency Review 5, no. 2 1996. P. 171–180.

По п. 1 ст. 17 и п. 1 ст. 25 Конвенции ЕС решение об открытии процедуры банкротства, вынесенное судом, обладающим компетенцией в соответствии с п. 2 ст. 3, подлежит признанию всеми остальными договаривающимися государствами. В отношении признания иных решений, вынесенных судом государства открытия процедуры банкротства, устанавливалось, что они также подлежат признанию без дальнейшего производства. Порядок исполнения данных решений определяется ст. 31–56 Брюссельской конвенции 1968 г.²⁰

Конвенция ЕС не была ратифицирована Великобританией, в связи с чем она в силу не вступила. Основные ее положения были инкорпорированы в Регламент ЕС № 1348/2000²¹, который был заменен Регламентом ЕС № 848/2015²² (до сих пор в силу также не вступил).

Заключение

Распространение международных договоров в сфере взаимного признания иностранных банкротств относится к XIX в. Путем заключения международных соглашений государства стремились поставить сотрудничество в данной сфере на постоянную основу, а также решить вопрос о порядке распределения имущества несостоятельного должника, находившегося на территории иного государства. В рассматриваемую историческую эпоху заключение международного соглашения рассматривалось как жест доверия по отношению к соответствующему государству. По этой причине регулирование вопросов трансграничного банкротства на межгосударственном уровне, по большей части, достигалось путем заключения двусторонних, а не многосторонних соглашений.

Анализ международных соглашений свидетельствует, что основная задача, стоящая перед договаривающимися государствами, состоит в определении суда, компетентного инициировать процедуру банкротства. В рамках двусторонних соглашений, заключенных в XIX вв. (Конвенция между Швейцарией и Францией, Конвенция между Бельгией и Францией), а также проектов договоров исключительной компетенцией в отношении инициирования процедуры банкротства по общему правилу наделялся суд государства местонахождения коммерческого предприятия должника («единство про-

²⁰ Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A41968A0927%2801%29> (дата обращения: 09.12.2022)

²¹ Council regulation (EC) No 1346/2000 of 29 May 2000 on insolvency proceedings. O.J.L 160, 30/06/2000 P. 0001-0018. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A32000R1346> (дата обращения: 09.12.2022)

²² Regulation (EU) 2015/848 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on insolvency proceedings. O.J. L 141, 5.6.2015, pp. 19–72. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A32015R0848> (дата обращения: 09.12.2022)

цедуры банкротства»). Вместе с тем на уровне многосторонних соглашений (в частности, Проекта конвенции Европейских сообществ) подобная модель регулирования трансграничной несостоятельности оказалась нежизнеспособной, в том числе ввиду неготовности договаривающихся государств отказать от возможности инициирования территориальных производств. Российскому законодателю целесообразно принять во внимание данную особенность правового регулирования при разработке соглашения в области признания трансграничного банкротства в рамках ЕАЭС.

Наконец, анализ международных соглашений (включая проекты, подготовленные Гаагской конференцией по МЧП) позволяет сделать вывод об эволюции подходов к порядку признания иностранных банкротств. Ст. 16 Конвенции между Швейцарией и Францией и ст. 2 Правил, разработанных II Гаагской конференцией (1894) возникновение правовых последствий иностранного банкротства связывали исключительно с получением экзекватуры в отношении иностранного судебного решения об открытии данной процедуры. Вместе с тем уже в Конвенции между Бельгией и Францией (ст. 2), а также в последующих проектах международных соглашений, подготовленных Гаагской конференцией, устанавливалось правило о том, что экзекватура в отношении иностранного решения об открытии процедуры банкротства требовалась для принудительного исполнения в отношении имущества должника. Действия по сохранению имущества должника, а также обращение с исками в суд экзекватуры не требовали. Последующие международные соглашения и документы (включая Северную конвенцию, Проект Конвенции Европейских сообществ, Регламент ЕС № 848/2015) устанавливали, что процедура банкротства, инициирования судом, обладающим компетенцией в соответствии с данным соглашением, подлежит признанию в остальных государствах в отсутствие экзекватуры. Подобный подход к регулированию процедуры признания иностранного банкротства также мог бы быть воспринят российским законодателем.

Список источников

1. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. II. СПб.: А. Бенке, 1883, 563 с.
2. Никольский Д.П. Первая и вторая международные конференции в Гааге по вопросам частного международного права. Журнал юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1895. Кн. 1. С. 1–28; кн. 2. С. 47–68.
3. Ancel B. *Éléments d'histoire du droit international privé*. Paris: Éditions Panthéon-Assas, 2017, 624 p.
4. Asser T. *Codification du Droit International Prive*. Quatrieme Conference Tenue a la Haye, du 16 Mai au 7 Juin 1904. La Revue de Droit International et de Legislation Comparee, 1904, vol. 6 (2), pp. 516–579.

5. Bar L. von. *The Theory and Practice of Private International Law*. Edinburgh: W. Green & Sons, 1892, 1200 p.
6. Bernard M. *Des Effets du Traite Franco-Suisse du 15 Juin 1869 en Matiere de Faillite*. *Journal du Droit International Prive et de la Jurisprudence Comparee*, 1882, vol. 9, no. 7–8, pp. 369–380.
7. Boeck de Ch. *Conflits de Lois en Matiere de Droits Reels dans le Cas de Faillite*. *Revue de Droit International Prive*, 1913, vol. 9, pp. 289–320.
8. Bogdan M. *International Bankruptcy Law in Scandinavia*. *The International and Comparative Law Quarterly*, 1985, vol. 34, no. 1, pp. 49–86.
9. Fiore P., Antoine Ch. *Le droit international privé: ou Principes pour résoudre les conflits entre les lois civiles, commerciales, judiciaires, pénales des différents états*. Paris: Durand et Pedone-Lauriel, 1890, 757 p.
10. Fletcher I.F. *Cross-Border Cooperation in Cases of International Insolvency: Some Recent Trends Compared*. *Tulane Civil Law Forum*, 1991–1992, vol. 6, 175–379.
11. Fletcher I.F. *International Insolvency: The Way ahead*. *International Insolvency Review*, 1993, vol. 2, no. 1, pp. 7–28.
12. Gillieron P.-R. *Generalites sur la Faillite en Droit National et International Suisse*. *Swiss Review of International and European Law*, 1992, vol. 2, pp. 135–168.
13. Hoffmann L. *Cross-Border Insolvency: A British Perspective*. *Fordham Law Review*, 1996, vol. 64, no. 6, pp. 2507–2520.
14. Humblet L. *Des Effets de la Faillite Declaree a l'Etranger d'Apres la Jurisprudence Belge*. *Journal du Droit International Prive et de la Jurisprudence Comparee*, 1880, vol. 7, no. 1–2, pp. 87–94.
15. Hunter M. *The Draft Bankruptcy Convention of the European Economic Communities*. *International and Comparative Law Quarterly*, 1972, vol. 21, no. 4, pp. 682–698.
16. Kauffmann Ch. *Des Biens sis en Allemagne Appartenant a un Failli Etranger*. *Journal du Droit International Prive et de la Jurisprudence Comparee*, 1885, no. 1–2, pp. 33–45.
17. Lainé A. *Conference de la Haye Relative au Droit International Prive*. *Journal du Droit International Prive et de la Jurisprudence Comparee*, 1895, vol. 22, no. 7–10, pp. 734–751.
18. Lainé A. *Conference de la Haye Relative au Droit International Prive*. *Journal du Droit International Prive et de la Jurisprudence Comparee*, 1901, vol. 28, no. 1–2, pp. 5–35.
19. Loder B. *Cinquieme Conference de Droit International Prive*. *Grotius Annuaire International*, 1927, no. 3, pp. 1–17.
20. Lyon-Caen Ch., Renault L. *Manuel de droit commercial spécialement destiné aux étudiants des facultés de droit*. Paris: F. Pichon, 1887, 895 p.
21. Lyon-Caen Ch., Renault L., Brillat-Savarin J. *Traité de droit commercial*. Paris: F. Pichon, 1899, 812 p.
22. Massé G. *Le droit commercial dans ses rapports avec le droit des gens et le droit civil*. Paris: Guillaumin, 1861, 784 p.
23. Nadelmann K. *Bankruptcy Treaties*. *University of Pennsylvania Law Review*, 1944, vol. 58, pp. 58–97.
24. Norsa C. *Revue de la Jurisprudence Italienne en Matiere de Droit International*. *Revue de Droit International et de Legislation Comparee*, 1876, vol. 6, pp. 247–284.
25. Paepe de P. *De l'Autorite et de l'Execution des Jugements, des Sentences Arbitrales et des Actes Judiciaires, Suivant la Convention Franco-Belge du 8 Juillet 1898*. *Journal*

- du Droit International Prive et de la Jurisprudence Comparee, 1898, vol. 33, no. 3–4, pp. 318–332.
26. Renault L. Les conventions de La Haye: 1896 et 1902. Paris: L. Larose, 1903, 90 p.
27. Rolin A. Etude sur la Faillite en Droit International Prive et Specialement sur le Traite Franco-Belge. Revue de Droit International et de Legislation Comparee, 1904, vol. 6, pp. 170–187.
28. Surville F., Arthuys F. Cours Elementaire de Droit International Prive Conforme au Programme des Facultes de Droit: Droit Civil, Procedure, Droit Commercial. Paris: Arthur Rousseau, 1912, 865 p.
29. Travers M. La faillite et la liquidation judiciaire dans les rapports internationaux. Paris: V. Giard & E. Briere, 1894, 338 p.
30. Travers M. Unite et l'Unversalite de la Faillite en Matiere Immobiliere, d'apres la Convention Franco-Belge du 8 Juillet 1899. Journal du Droit International Prive et de la Jurisprudence Comparee, 1909, vol. 36, no. 3–4, pp. 386–401.
31. Travers M. Projet de Traite Concernant la Faillite. Revue de Droit International Prive, 1926, vol. 21, pp. 220–243.
32. Weiss A. Du Conflit des Lois et de la Legislation Internationale en Mariere de Fallites: Rapport Presente a L'Institut de Droit International. Revue de Droit International et de Legislation Comparee, 1892, no. 1, pp. 5–16.

References

1. Ancel B. (2017) *Éléments D'Histoire du Droit International Privé*. Paris: Panthéon-Assas, 624 p.
2. Asser T. (1904) Codification du Droit International Prive. Quatrieme Conference Tenue a la Haye, du 16 Mai au 7 Juin 1904. *La Revue de Droit International et de Legislation Comparee*, vol. 6, pp. 516–579.
3. Bar L. von (1892) *Theory and Practice of Private International Law*. Edinburgh: W. Green & Sons, 1200 p.
4. Boeck de Ch. (1913) Conflits de Lois en Matiere de Droits Reels dans le Cas de Faillite. *Revue de Droit International Prive*, vol. 9, pp. 289–320.
5. Bogdan M. (1985) International Bankruptcy Law in Scandinavia. *The International and Comparative Law Quarterly*, vol. 34, no. 1, pp. 49–86.
6. Fiore P. (1890) *Le Droit International Privé: ou Principes pour Résoudre les Conflits entre les Lois Civiles, Commerciales, Judiciaires, Pénales des Différents Etats*. Paris: Durand et Pedone-Lauriel, 757 p.
7. Fletcher I. (1991–1992) Cross-Border Cooperation in Cases of International Insolvency: Some Recent Trends Compared. *Tulane Civil Law Forum*, vol. 6, pp. 175–379.
8. Fletcher I. (1993) International Insolvency: A Case for Study and Treatment. *The International Lawyer*, vol. 27, no. 2, pp. 429–443.
9. Fletcher I. (2005) *Insolvency in Private International Law: National and International Approach*. Oxford: University Press, 716 p.
10. Gillieron P.-R. (1992) Generalites sur la Faillite en Droit National et International Suisse. *Swiss Review of International and European Law*, vol. 2, pp. 135–168.
11. Hoffmann L. (1996) Cross-Border Insolvency: A British Perspective. *Fordham Law Review*, vol. 64, no. 6, pp. 2507–2520.

12. Humblet L. (1880) Des Effets de la Faillite Declaree a l'Etranger d'Apres la Jurisprudence Belge. *Journal du Droit International Prive et de la Jurisprudence Comparee*, vol. 7, no. 1–2, pp. 87–94.
13. Hunter M. (1972) The Draft Bankruptcy Convention of the European Economic Communities, *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 21, no. 4, pp. 682–698.
14. Kauffmann Ch. (1885) Des Biens sis en Allemagne Appartenant a un Failli Etranger, *Journal du Droit International Prive et de la Jurisprudence Comparee*, no. 1–2, pp. 33–45.
15. Lainé A. (1895) Conference de la Haye Relative au Droit International Prive. *Journal du Droit International Prive et de la Jurisprudence Comparee*, vol. 22, no. 7–10, pp. 734–751.
16. Lainé A. (1901) Conference de la Haye Relative au Droit International Prive. *Journal du Droit International Prive et de la Jurisprudence Comparee*, vol. 28, no. 1–2, pp. 5–35.
17. Loder B. (1927) Cinquieme Conference de Droit International Prive. *Grotius Annuaire International*, no. 3, pp. 1–17.
18. Lyon-Caen Ch., Renault L. (1887) Manuel de Droit Commercial Spécialement Destiné aux Etudiants des Facultés de Droit. Paris: F. Pichon, p. 895.
19. Lyon-Caen Ch., Renault L., Brillat-Savarin J. (1899) *Traité De Droit Commercial*. Paris: F. Pichon, 812 p.
20. Massé G. (1861) *Le Droit Commercial Dans ses Rapports avec le Droit des Gens et le Droit Civil*. Paris: Guillaumin, 784 p.
21. Martens F. F. (1883) *Modern International Law of Civilized Peoples*. Vol. II. Saint Petersburg: A. Benke, 563 p. (in Russ.)
22. Nadelmann K. (1944) Bankruptcy Treaties. *University of Pennsylvania Law Review*, vol. 58, pp. 58–97.
23. Nikolsky D.P. (1895) The First and Second International Conferences in The Hague on Private International Law. *Journal of the Law Society at the Imperial St. Petersburg University*, issue 1, pp. 1–28; issue 2, pp. 47–68 (in Russ.)
24. Norsa C. (1876) Revue de la Jurisprudence Italienne en Matiere de Droit International. *Revue de Droit International et de Legislation Comparee*, vol. 6, pp. 247–284.
25. Paepe de P. (1898) De l'Autorite et de l'Execution des Jugements, des Sentences Arbitrales et des Actes Judiciaires, Suivant la Convention Franco-Belge du 8 Juillet. *Journal du Droit International Prive et de la Jurisprudence Comparee*, vol. 33, no. 3–4, pp. 318–332.
26. Renault L. (1903) Les Conventions de La Haye: 1896 et 1902. Paris: L. Larose, 90 p.
27. Rolin A. (1904) Etude sur la Faillite en Droit International Prive et Specialement sur le Traite Franco-Belge. *Revue de Droit International et de Legislation Comparee*, vol. 6, pp. 170–187.
28. Stepanov V.V. (1999) Systems of Legal Regulation of Cross-Border Insolvency: Discussion of a Draft Agreement on International Bankruptcy Procedures in the CIS. *Review of Central and East European Law*, no. 1–2, pp. 287–310.
29. Surville F., Arthuys F. (1912) Cours Elementaire de Droit International Prive Conforme au Programme des Facultes de Droit: Droit Civil, Procedure, Paris, Droit Commercial. Paris: Arthur Rousseau, 865 p.
30. Travers M. (1894) *La faillite et la liquidation judiciaire dans les rapports internationaux*. Paris: V. Giard & E. Brière, 338 p.
31. Travers M. (1909) Unite et l'Unversalite de la Faillite en Matiere Immobiliere, d'apres la Convention Franco-Belge du 8 Juillet, *Journal du Droit International Prive et de la Jurisprudence Comparee*, vol. 36, no. 3–4, pp. 386–401.

32. Weiss A. (1892) Du Conflit des Lois et de la Legislation Internationale en Mariere de Fallites. *Revue de Droit International et de Legislation Comparee*, vol. 1, pp. 5–16.

Информация об авторе:

А.А.Костин — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

A.A. Kostin — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 02.09.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 17.05.2022.

The article was submitted to the editorial office 02.09.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 17.05.2022.